

DOI 10.21672/1818-510X-2020-62-1-060-066

«БИОПОЛИТИКА»: ИНТЕРПРЕТАЦИИ И СМЫСЛЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ЗНАНИИ¹

Аласания Кира Юрьевна, кандидат политических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27/4
E-mail: alasaniank@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению интерпретаций термина «биополитика» и анализу направлений концептуализации данного термина в современной социально-политической мысли. Рассмотрена этимология слова «биополитика» и в связи с этим обоснована необходимость рассмотрения биополитики в нескольких измерениях, в частности, как стратегии определенного типа, как области политической жизни, регулируемой особым образом. Представлены некоторые ключевые понятия, концептуально включенные в поле биополитики: биовласть, биолегитимность. Данные понятия рассмотрены по аналогии с классическими взаимодействиями между понятиями политики, власти и легитимности, представленными в политической науке. Вместе с тем показаны специфические черты данных категорий и их взаимодействия в смысловом поле биополитики. Предметом рассмотрения также являются фактически авторские концепции биополитики, которые на данном этапе развития политической науки находятся в стадии активной разработки. В частности, к ним относятся концепции антрополитики, некрополитики, этополитики, политики жизни, молекулярной политики. Показана соотнесенность данных понятий с породившим их понятием, проанализированы отличия между авторскими подходами к определению и концептуализации понятия «биополитика».

Ключевые слова: биополитика, биовласть, жизнь, политика, танатополитика, этополитика

“BIOPOLITICS”: INTERPRETATIONS AND MEANINGS IN MODERN SOCIAL AND POLITICAL KNOWLEDGE

Alasania Kira Yu., Ph. D. (Policy), Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
27/4 Lomonosovsky Ave., Moscow, 119234, Russian Federation
E-mail: alasaniank@yandex.ru

The article examines interpretations of the term “biopolitics” and analyzes the directions of this term’s conceptualization in modern social and political thought. It states terminological difficulties potentially appeared when using the term “biopolitics” in modern scientific discourse. The article considers etymology of the word “biopolitics” and proves the need of examining this concept in several dimensions – as politics, policy and polity. The article presents key concepts of biopolitics, such as biopower and biolegitimacy. They are considered both in the context of relations between politics, power, legitimacy as traditional concepts of political science and in the context of biopolitics, which let us represent their brand-new semantic and conceptual qualities. The article also analyzes original concepts produced by the concept of biopolitics, such as anthropopolitics, necropolitics, ethopolitics, molecular politics and politics of life. The article shows the relations between “the mother concept” of biopolitics and original concepts being actively elaborated at the moment.

Keywords: biopolitics, biopower, life, policy, thanatopolitics, ethopolitics

Термин «биополитика» является относительно новым в научном дискурсе. По замечанию известного немецкого социолога и политического исследователя Т. Лемке, автора работы «Био-политика: Расширенное введение», «понятие биополитики несколько лет назад было известно лишь ограниченному кругу специалистов, а сегодня оно используется в дискурсе разных наук. Более того, само слово вызывает интерес и у широкой публики» [13, р. 2]. «Биополитика» в каком-то смысле становится модным словом, и в этом, очевидно, заключается одна из проблем. Эта мода (в том смысле, в котором об этом явлении рассуждал Р. Барт [4]) на биополитику, с одной стороны, демонстрирует несомненную актуальность проблематики и необходимость ее обсуждения, но, с другой, – парадоксальным образом сильно затрудняет понимание смысла термина. В этом случае кажется логичным начать с обращения к этимологии слова «биополитика», состоящего из двух корней греческого происхождения.

¹ Статья подготовлена в рамках деятельности Выдающейся научной школы МГУ им. М. В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление» (The article was prepared as part of the activities of the Outstanding Scientific School of Moscow State University. M. V. Lomonosov "Transformations of culture, society and history: philosophical and theoretical understanding").

Казалось бы, значение первого корня можно интерпретировать вполне однозначно: βίος (греч.) – жизнь. Однако у древних греков было второе слово *zoe*, которым они также обозначали «жизнь». Здесь кроется первая сложность. *Zoe* – это жизнь вообще. Жизнь, которую проживают звери, люди, боги. А вот βίος – слово, служащее для обозначения правильного способа или формы жизни индивида или группы [1]. Дж. Агамбен, мыслитель, которого называют в ряду ключевых фигур, разработавших концепцию биополитики, в предисловии к своей знаменитой работе «*Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь*» обращает внимание на канонический для западной философской традиции отрывок из «*Политики*» Аристотеля о цели существования государства, где противопоставляется природная жизнь жизни в политическом измерении («возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни» [1, с. 14]). Итак, значение первого корня термина «биополитика» наводит на мысль о том, что речь идет не просто о жизни и даже не просто о жизни отдельно взятого человека, но о жизни человека во взаимодействии с себе подобными. Если продолжать рассуждать в этой же логике, то второй корень, входящий в состав слова «биополитика», в первую очередь, обозначает то место, где происходит это взаимодействие жизней (πόλις (греч.) – город, государство), или же качество взаимодействия живущих (πολιτικός (греч.) – гражданский, государственный, общественный). Однако для того, чтобы очертить границы семантического поля биополитики в ее теперешнем понимании, нам необходимо дополнить античные трактовки современными коннотациями.

В знаменитом сочинении Р. Арона «*Демократия и тоталитаризм*»¹ представлен подробный анализ того, что можно иметь в виду, когда мы говорим о политике в наиболее современном варианте. Для того, чтобы обосновать применение термина «политика» в разных контекстах (как бытовых, так и научных) Арон обращается к английским словам “politics” и “policy”, каждое из которых можно перевести, как «политика».

Итак, “policy” – «концепция, программа действий, а то и само действие одного человека, группы людей, правительства» [3, с. 21]. Речь, таким образом, идет о некоторой последовательности шагов, которая необходима для решения определенной задачи, значимой для совокупности людей. Собственно, именно наличие единой, важной не для одного, но для многих цели, является обязательным и конституирующим элементом политики в этом значении. Данное понимание политики вполне соотносится с древнегреческим значением, которое связывается с целями существования полиса². Примерами современного понимания “policy” становятся программы действий правительства по решению какой-либо проблемы (антимонопольная политика – деятельность государства по формированию конкурентной среды с целью избежать монополии единственной структуры в какой-либо области) или, скажем, взгляды определенного политика на развитие государства, соответственно, цели, к которым он стремится, и инструменты, которыми он пользуется (политика Трампа). В целом же, говорим мы об эпохе Аристотеля или о сегодняшнем дне, «политика» в значении “policy” подразумевает стратегию движения к определенной цели, значимой для определенного сообщества и способы реализации этой стратегии.

Понятие политики, которое Арон обозначает “politics”, в самом общем виде можно трактовать как более широкое по отношению к “policy”. В том смысле, что этим словом обозначается сфера (поле), где взаимодействуют акторы, имеющие свои цели, интересы и стратегии. По Арону, это область взаимодействия политических курсов и, соответственно, акторов, которые представляют эти курсы. Разумеется, действия, осуществляемые акторами могут вступать в противоречия, и тогда мы говорим о конфликте. Реализуемые в политике стратегии могут в то же время дополнять друг друга, что дает нам возможность оценивать это как консенсус. Любопытно при этом одно замечание Арона о том, что «у правителей есть программы действий, которые не могут, однако, претворяться в жизнь без поддержки со стороны управляемых. А подчиняющиеся редко единодушно одобряют тех, кому им надлежит повиноваться»

¹ Книга Раймона Арона увидела свет в 1965 г.

² Имеются в виду рассуждения древнегреческих философов об идеальном государстве. Аристотелевские рассуждения о наилучшем государственном устройстве здесь представляются наилучшим примером. Две последние книги «*Политики*», как известно, посвящены изложению «проекта» («программы») по улучшению жизни граждан полиса. Стоит отметить при этом, что Аристотель подчеркивает необходимость возможности осуществления мер, которые способствуют достижению политического идеала. То есть речь идет в полной мере о последовательности шагов, направленных на достижение общей (благой – в случае с древнегреческим восприятием политики) цели [2, с. 376–644].

[3, с. 22]. Благодаря этому замечанию становится очевидным, что политика – это, с одной стороны, поле, в котором объединены правящие и управляемые, а с другой – сфера общественной жизни, где противопоставляются друг другу или взаимодействуют друг с другом программы действий. Достижение общезначимой цели невозможно без включения в программу действий как тех, кто разрабатывает эту программу, так и тех, кто будет прямо или косвенно в реализации этой программы участвовать. И здесь мы подходим еще к одному пониманию политики, которое связано как раз со способом осуществления власти или даже с основанием взаимодействия тех, кто правит, с теми, кто управляется. Арон обращается к греческому слову “πολιτεία”. Но если придерживаться прежней логики, то следует привести английское слово “polity”, поскольку впоследствии оно даст нам возможность раскрыть существенные смыслы термина «биополитика».

Рассуждая о значении греческого понятия, можно снова вспомнить Аристотеля, который при помощи слова “πολιτεία” обозначает вполне конкретный политический режим (форму государственного устройства), сочетающий элементы олигархии и демократии, который подразумевает участие гражданского большинства в принятии политических решений. Арон же настаивает на более широкой трактовке, отмечая, что полития – это то, что «греки называли режимом полиса, то есть способом организации руководства, отличительным признаком организации всего сообщества» [3, с. 24]. Действительно, в зависимости от того, при каких условиях происходит взаимодействие управляющих и управляемых, мы отличаем одну систему взаимодействия от другой. Возвращаясь к рассуждениям о политике как о сфере пересечений политических стратегий, здесь можно, например, говорить о разнообразии направления этих стратегий. В самом общем виде мы можем утверждать, что стратегия, вырабатываемая правящими, направленная на решение общезначимых задач, но не подразумевающая обратной реакции управляемых, будет характерна для жестких, авторитарных режимов. Соответственно, политические курсы, разрабатываемые властью с расчетом на обратную связь, на взаимодействие с теми, кто составляет большинство, – это режим демократического взаимодействия. Вместе с тем, говоря о политическом режиме, мы никак не должны уходить от характерных для определенного сообщества взаимодействий, имеющих место внутри этого сообщества. Таким образом, мы говорим о политике как образе взаимодействия власти и общества, который в то же время определяет порядок взаимоотношений внутри самого общества.

Обращение к политике в значении «полития» дает нам очень важный посыл для того, чтобы перейти к тому, что называется «биополитикой». Арон отмечает: философы прошлого, говоря о политике, были убеждены в том, что структура власти всегда адекватна сущности сообщества. «Их убежденность основывалась на двух посылах: без организованной власти жизнь общества немислима; в характере власти проявляется степень человечности общественных отношений. Люди человечны лишь постольку, поскольку они подчиняются и повелевают в соответствии с критериями человечности» [3, с. 32]. Далее Арон ссылается на теорию общественного договора Руссо и говорит о том, что ценность знаменитого трактата заключается в том числе, в попытке показать связь между происхождением сообщества и истоками власти. Кажется, что упоминание теории Руссо здесь совсем не случайно. Руссо, например, говорит, «что люди достигли того предела, когда силы, препятствующие им оставаться в естественном состоянии, превосходят в своем противодействии силы, которые каждый индивидуум может пустить в ход, чтобы удержаться в этом состоянии. Тогда это изначальное состояние не может более продолжаться, и человеческий род погиб бы, не измени он своего образа жизни. Однако, поскольку люди не могут создавать новых сил, а могут лишь объединять и направлять силы, уже существующие, то у них нет иного средства самосохранения, как, объединившись с другими людьми, образовать сумму сил, способную преодолеть противодействие, подчинить эти силы одному движителю и заставить их действовать согласно» [6, с. 208]. Объединение в сообщество – сознательное коллективное решение, которое направлено не на сохранение жизни индивида, но на сохранение жизни рода. Соответственно, дальнейшее существование определяется необходимостью взаимодействия (основанного, по Руссо, на договоре) между правящими и управляемыми. Политико-правовой механизм запускается, благодаря желанию сохраниться, сохранить жизнь. Но возникает вопрос, является ли то, о чем говорит Руссо биополитикой или, в какой мере то, о чем говорит философ, является биополитикой.

Если исходить из положения о том, что политика вообще немислима и бессмысленна без человека (живущего и взаимодействующего с другими, в том числе и с властью имущими), то биополитика и политика становятся абсолютными синонимами. Однако в современном

дискурсе политической науки гораздо более популярной является, скорее, противоположная точка зрения. По большому счету она основана на том, что не принимается во внимание различие в оттенках смыслов *zoe* и *βίος*. Смысл «био-» сводится к жизни в биологическом смысле, и тогда в слове «биополитика» соединяются два фактически противоположных смысла [13, p. 2].

На самом деле, способы употребления термина «биополитика» и (что более любопытно) история расширения семантического поля биополитики, наталкивают на мысль о том, что постижение смысла этого термина и его дальнейшая концептуализация, предполагает фокусировку именно на линии, где пересекаются / сливаются / сталкиваются биологическое и политическое. Об этом очень точно говорят американские политологи Стивен Петерсон и Алберт Сомит. Подчеркивая многоаспектность понятия «биополитика», ученые отмечают, что для политической науки наиболее интересным является рассмотрение вопроса о том, как взаимосвязаны между собой «жизнь» и «политика» [15].

На сегодняшний день можно говорить о, как минимум, двух траекториях расширения семантического поля биополитики: первая будет связана с образованием новых терминов, представляющих собой гибриды традиционных терминов политической науки и корня «био-» («биовласть», «биолегитимность») вторая – с возникновением целого ряда терминов и терминологических сочетаний, которые в своем составе корня «био-» не имеют, но обращаются к проблемам взаимодействия жизни и политики («танатополитика», «некрополитика», «этополитика», «антрополоитика», «политика жизни», «молекулярная политика»).

Логичнее всего начать обзор с термина «биовласть». Дело в том, что биовласть – понятие, которое зачастую отождествляется с понятием биополитики. Так же, как политика традиционно определяется через категорию власти и, наоборот, власть выступает как конституирующее начало политики¹, биополитика определяется через категорию биовласти. При этом нужно отдавать себе отчет в том, что власть выступает своеобразной метонимией политики. Такое положение вещей можно наблюдать в работах основоположников концепции биополитики в сфере политической науки².

Вместе с тем по аналогии с множеством трактовок власти как ключевого понятия политической науки, биовласть трактуется также по-разному. Специфика трактовки определяется, исходя фактически авторского понимания биополитики. Для того, чтобы хотя бы в общем виде ограничить данное понятие, обратимся к достаточно подробному разбору термина «биовласть», который приводит в одной из своих статей П. Д. Тищенко, один из ведущих отечественных специалистов в области биоэтики: «С самого начала мы должны не упускать из виду, что русский перевод словом «власть» французского слова «*le pouvoir*», как и английского «*a power*», недостаточно точен. Было бы точнее перевести его как минимум четырьмя словами: «власть», «правление», «сила», «энергия». Семантика слова «власть» указывает на иерархические отношения между правящими и подчиняющимися инстанциями. <...> Правление соотносит иерархические отношения власти с правом и правами (как обычными, так и кодифицированными). В современных сообществах биовласть распространяется в социальных взаимодействиях и реализуется, опираясь на право как идею (прежде всего идею прав человека) и правопорядок (например, национальные и международные законы в области биомедицины). Она воплощает себя в деятельности правительственных (типа министерств здравоохранения) и общественных (врачебных и пациентских) организаций. <...> Сила указывает на то, что эти иерархизирующие отношения динамичны, активны... Биовласть как сила не зависит от произвола субъективной воли, а поэтому воспринимается как данная для тех, кто оказывается внутри иерархии подчинения и правления» [7, с. 102]. Это определение является наиболее общим, но отнюдь не исчерпывающим по причине, о которой было сказано выше.

¹ В качестве примеров можно привести определения политики, которые встречаются в текстах мыслителей совершенно разных эпох Н. Макиавелли («Государь»), М. Вебера («Политика как призвание и профессия»), Э. Хейвуда («Политика») и др.

² В этой связи нельзя не вспомнить тексты Мишеля Фуко, который говоря о биополитике, использует слово «биовласть», зачастую употребляя эти термины как синонимы. В интерпретации Фуко биовласть – форма власти, которая регулирует социальную жизнь изнутри, направляя ее и управляя ею. Именно это «действие изнутри» позволяет быть биовласти быть эффективной и контролировать жизненные процессы общества.

Определение биовласти будет сопряжено с тем смыслом, которое вкладывает тот или иной автор, работающий в той или иной биополитической проблемной области, в понятие биополитики¹.

Если проводить дальнейшие аналогии со свойствами ключевых понятий политической науки, то одной из характеристик биовласти (независимо от специфики, заложенной в авторских определениях) должна стать биолегитимность. Одна из наиболее часто упоминаемых концепций в этой связи – концепция, принадлежащая французскому антропологу Д. Фассану.

Понятие биолегитимности у Фассана неразрывно связано, во-первых, с идеей о том, что право на жизнь играет главенствующую роль в сравнении с социальными и экономическими правами человека, во-вторых, с моральным измерением политики. Моральность – это, в первую очередь, ненасилие по отношению к жизни человека и гражданина, а также бережное отношение к социальному телу. И собственно жизнь в биологическом смысле становится показателем эффективности политической власти и показателем легитимности этой власти. Для концепции, которую разрабатывает Фассан, важным является понимание того, что власть должна не просто воздействовать на жизнь человека и рода человеческого, но получать обратную связь, оценивая показатели качества жизни подвластных [13, р. 87–89, 121].

Однако в современном дискурсе политической науки существует достаточное количество терминов, служащих для обозначения биополитических концепций, которые в качестве отправной точки осмысления и оценки политики называют не жизнь, а смерть. К таким концепциям относятся «танатополитика» и «некрополитика».

Авторы, использующие термин «танатополитика» утверждают, что нельзя говорить «о политике жизни» в отрыве от «политики смерти». В самом общем виде можно охарактеризовать танатополитику, используя метафору Мишеля Фуко, который назвал танатополитику «изнанкой биополитики» [8, с. 379]. Т. Лемке отмечает, что развитие концепции танатополитики идет по следующему вектору: от понимания ее как стратегии истребления [8] до стратегии, неразрывно связанной с биотехнологическим развитием. Вопрос о жизни и смерти человека претерпевает сегодня колоссальные трансформации и, следовательно, требует абсолютно иного контроля, регулирования. Об этом точно пишет Лемке, ограничивая круг вопросов, которые входят в поле танатополитики: «Человек, который умер, на самом деле, потенциально может быть жив. Точнее, составляющие этого человека – его клетки, органы, костный мозг – могут продолжать свое существование в телах других людей, чье качество жизни при этом улучшается... Смерть может стать частью продуктивного цикла и использоваться для продления жизни» [13, с. 9]. Соответственно, вопрос жизни и смерти населения становится не только делом государства. Точнее, эффективное политическое правление невозможно без учета вопросов жизни и смерти, рассмотренных именно под углом развития биотехнологий [9; 12].

Несколько другой фокус исследований отличает мыслителей, использующих термин «некрополитика». Жизнь невозможно мыслить в отрыве от смерти, тем более сегодня, в эпоху беспрецедентных угроз разного порядка – терроризма, экологических бедствий и т. д. Отсюда возникает идея о том, что обратить внимание следует на ту сторону биополитической деятельности, в которой реализуются технологии контроля, через которые «жизнь покоряется власти смерти» [14], а также на те условия, которые позволяют этой политике осуществляться. А. Мбембе, камерунский политолог, один из ключевых представителей этого направления биополитики говорит о том, что сегодня происходит «организованная инструментализация человеческого существования и материальная деструкция человеческих тел и народов» [14, р. 14], поскольку все традиционные благие задачи (борьба за свободу и независимость, например) остались в прошлом по разным причинам. Однако если попробовать эти причины обобщить, то окажется, что сам мир трансформировался. И эти трансформации невозможно игнорировать. Наверное, наиболее внимательными именно к вопросу изменяющегося мира обращаются исследователи, использующие термин «антрополитика».

В центре внимания сторонников этой концепции вопрос о том, насколько правомерно говорить о сегодняшнем мире, как о мире антропоцентричном. И, соответственно, когда мы говорим о сохранении жизни, технологиях, которые призваны сохранять жизнь человека как части человеческого рода, должны ли мы принимать во внимание только человека. В этом смысле показательны, к примеру, исследования Б. Латюра в области «симметричной антропологии». Речь идет об утверждении о том, что способностью к действию обладают как человеческие субъекты,

¹ Более подробно см. работы М. Фуко, Дж. Агамбена, П. Рабиноу и др.

так и субъекты, не обладающие человеческой природой [5]. Подобные тезисы открывают поле для дальнейших размышлений о том, какие субъекты и при каких условиях должны быть включены в жизнь общества. Соответственно, «биополитика», если остается в понятном поле антрополитики, то имеет, несомненно, более узкое значение и используется для обозначения процессов администрирования и контроля условий жизни. Человек неотделим от этих условий, зачастую зависим от них. В текущей ситуации, ситуации развития технологического знания вообще и биомедицинских технологий, в частности, все более зыбкой становится грань между природным и неприродным (искусственным, культурным), между биологическим и социальным. Из размышлений об этом рождается концепция «этополитики».

Использование этого термина и, соответственно, разработку концепции можно встретить в сочинениях Н. Роуза. Использование именно такого термина актуально, по мнению Роуза, потому что мы являемся свидетелями эпохального перелома во всех сферах жизни, в том числе, в сфере социально-политической. Сегодня каждый вовлечен в биополитику. Просто потому, что развитие биотехнологий достигло такого уровня, что нельзя не быть в это вовлеченным. В связи с этим рождаются размышления Роуза о демократизации биополитики [17, р. 5–7, 17]. Идеальной Роуз видит ситуацию, в которой этос человеческого существования – чувства, верования, моральные принципы – находится в гармонии с императивами государственного управления [17, р. 27]. Говоря об этополитике, Роуз обращается к этической составляющей человеческого существа, но вписывает эту область в более обширную сферу и называет ее уже не биополитикой, а «политикой самой жизни». Интересно, что термин «политика жизни» связывают с именем другого мыслителя – Э. Гидденса.

Роднит концепции Роуза и Гидденса размышление о том, что возникновение новых областей жизни и знания (в частности, «политики жизни») сопряжены с трансформациями современной жизни и современного знания. Политика и способы ее осмысления неизбежно меняются. Под «политикой жизни» как новым (трансформированным) типом политики Гидденс понимает «радикальные обязательства, в которых идет поиск возможностей для обеспечения наилучшей жизни для всех» [10, р. 156]. В определенном смысле речь идет об улучшении качества жизни, а биотехнологическое улучшение здесь играет не последнюю роль. По Гидденсу, новое отношение к индивидуальному телу формирует новую социальность и, соответственно, требует пересмотра техник управления этой социальностью [11, р. 224].

Таким образом, можно говорить о том, что в концепциях антрополитики, этополитики и политики жизни по-разному рассматривается вопрос управления жизнью человека, человеческого рода в нестабильных (трансформирующихся) условиях. В этом смысле особняком стоит концепция молекулярной политики. Сторонники использования этого термина (М. Дилон, Д. Рейд, М. Флауэр, Д. Хит) полагают, что объектом современных биополитических стратегий становится не человеческий род, а генофонд. Речь теперь идет не просто и не только о теле, не об анатомии, а о возможностях изменения человека как представителя генофонда. Это не анатомический взгляд на индивидов, а генетический взгляд. Биология перестает быть наукой описательной и становится наукой, благодаря которой можно трансформировать, перепрограммировать, изменять жизнь [13, р. 94]. Такие изменения самой сути знания влекут за собой изменения во всех сферах социально-политического пространства.

Подводя итоги, можно констатировать, что терминологическое, семантическое и концептуальное поле биополитики является на настоящий момент подвижным и развивающимся. Вместе с тем актуальность развития этого поля политической науки не вызывает сомнений, поскольку благодаря его развитию удастся фиксировать и анализировать трансформации, которые претерпевает современная социально-политическая реальность.

Список литературы

1. Агамбен, Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. – Москва : Европа, 2011. – 256 с.
2. Аристотель. Политика / Аристотель // Сочинения : в 4 т. – Москва : Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
3. Арон, Р. Демократия и тоталитаризм / Р. Арон. – Москва : Текст, 1993. – 303 с.
4. Барт, Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.
5. Латур, Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур. – Санкт-Петербург : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2006. – 240 с.

6. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – Москва : КАНОН-пресс ; Кучково поле, 1998. – 416 с.
7. Тищенко, П. Д. Бивласть: эвристическое пространство концепта в антропологии / П. Д. Тищенко // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 6. – С. 102–108.
8. Фуко, М. Политическая технология индивидов / М. Фуко // Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984 : в 3 т. – Москва : Праксис, 2002. – Т. 1. – 384 с.
9. Andrews, L. *Body Bazaar: The Market for Human Tissue in the Biotechnological Age* / L. Andrews, D. Nelkin. – New York : Crown, 2001. – 256 p.
10. Giddens, A. *The Consequences of Modernity* / A. Giddens. – Cambridge, UK : Polity, 1990. – 188 p.
11. Giddens, A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age* / A. Giddens. – Cambridge, UK : Polity, 1991. – 264 p.
12. Iacub, M. Les biotechnologies et le pouvoir sur la vie / M. Iacub // *L'infréquentable Michel Foucault: Renouveaux de la pensée critique* / ed. Didier Eribon. – Paris : EPEL, 2001. – P. 127–132.
13. Lemke, T. *Bio-Politics. An Advanced Introduction* / T. Lemke. – New York, London : New York University Press, 2011. – 158 p.
14. Mbembe, A. *Necropolitics* / A. Mbembe // *Public Culture*. – Durham : Duke University Press. – 2003. – Vol. 15 (1). – P. 11–40.
15. Somit, A. Introduction: Main Currents in Biopolitics / A. Somit, S. Peterson // *International Political Science Review*. – 1987. – Vol. 8 (2). – P. 107–110.
16. Rabinow, P. *Artificiality and Enlightenment: From Sociobiology to Biosociality* / P. Rabinow // *Incorporations* / eds. Jonathan Crary and Sanford Kwinter. – New York : Zone Books, 1992. – P. 234–252.
17. Rose, N. *The Politics of Life Itself. Biomedicine, Power and Subjectivity in the Twenty-First Century* / N. Rose. – Princeton : Princeton University Press, 2007. – 350 p.

References

1. Agamben, G. *Homo Sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn* [Homo Sacer. Sovereign power and bare life]. Moscow, Evropa Publ., 2011, 256 p.
2. Aristotle. *Politika* [Politics]. Aristotle. *Sochineniya* : in 4 tomakh [Works: in 4 vol.]. Moscow, Mysl Publ., 1983, vol. 4, 830 p.
3. Aron, R. *Demokratiya i totalitarizm* [Democracy and totalitarianism]. Moscow, Tekst Publ., 1993, 303 p.
4. Bart, R. *Sistema mody. Stati po semiotike kultury* [The system of the mode. The articles on semiotics of culture]. Moscow, Sabashnikovs Publ., 2003, 512 p.
5. Latur, B. *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii* [There was no the New Age. The Essay on the symmetrical anthropology]. St. Petersburg, European University Publ., 2006, 240 p.
6. Russo, Zh.-Zh. *Ob obschestvennom dogovore. Traktaty* [On the social contract. Treatises]. Moscow, KANON-press, Kuchkovo pole Publ., 1998, 416 p.
7. Tischenko, P. D. *Biovlast: evristicheskoye prostranstvo kontsepta v antropologii* [Biopower: Euristic space of the concept in anthropology]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic survey], 2013, no. 6, pp. 102–108.
8. Fuko M. *Politicheskaya tekhnologiya indiviidov* [Political technology of individuals]. *Intellektualy i vlast. Stati i intervyyu 1970–1984: v 3 tomakh* [Intellectuals and power. Articles and interviews 1970–1984: in 3 vol.]. Moscow, Praksis Publ., 2003, vol. 1, 384 p.
9. Andrews, L., Nelkin, D. *Body Bazaar: The Market for Human Tissue in the Biotechnological Age*. New York, Crown, 2001, 256 p.
10. Giddens, A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge, UK, Polity Publ., 1990, 188 p.
11. Giddens, A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge, UK, Polity Publ., 1991, 264 p.
12. Iacub, M. *Les biotechnologies et le pouvoir sur la vie* [Biotechnology and the power over life]. *L'infréquentable Michel Foucault: Renouveaux de la pensée critique* [The infallible Michel Foucault: Renewals of critical thinking]. Ed. by Didier Eribon. Paris, EPEL Publ., 2001, pp. 127–132.
13. Lemke, T. *Bio-Politics. An Advanced Introduction*. New York, London, New York University Press, 2011, 158 p.
14. Mbembe, A. *Necropolitics*. *Public Culture*. Durham, Duke University Press, 2003, vol. 15 (1), pp. 11–40.
15. Somit, A., Peterson, S. Introduction: Main Currents in Biopolitics. *International Political Science Review*, 1987, vol. 8 (2), pp. 107–110.
16. Rabinow, P. *Artificiality and Enlightenment: From Sociobiology to Biosociality*. *Incorporations*. Ed. by J. Crary, S. Kwinter. New York, Zone Books Publ., 1992, pp. 234–252.
17. Rose, N. *The Politics of Life Itself. Biomedicine, Power and Subjectivity in the Twenty-First Century*. Princeton, Princeton University Press, 2007, 350 p.